

Каково это — убивать человека, связанного с тобой кровью?

А-Эр знал ответ. В теле Сидзуки Годзё он убил своего младшего брата Кэндзяку. Но, пожалуй, оттого что Кэндзяку и он сам были куда ближе к проклятиям, чем к людям, той пронизывающей остроты — убийства плоти от плоти своей — он не почувствовал. Скорее ощущение было таким, будто заблудившаяся проклятая энергия наконец вернулась в тело. Кэндзяку словно никуда и не уходил — просто затаился где-то внутри, уснул.

В прошлый раз, в мире грёз, они с Дзином погибли вместе — оба от потери крови, к тому же сознание тогда уже мутилось. Настоящего ощущения от убийства собственными руками тогда не было.

Теперь же — заново обрета воспоминания детства — он официально вступил в бой с Дзином. И убил его своими руками.

А-Эр молчал. Слова не шли.

На этот раз он не колебался — не то что в первом раунде, когда рука не поднялась. Они оба дрались насмерть. Поначалу А-Эр на долю секунды потерялся — слишком много воспоминаний хлынуло разом, — и Дзин этим воспользовался: без жалости сломал ему руку, едва не свернув шею.

Красное залило разум, захлестнув собой все прежние сожаления. Безумие поглотило горечь, и А-Эр с головой ушёл в эту схватку — ту, что, казалось, готова была разорвать его тело и душу на куски.

В крови, хрусте ломающихся костей и жестоких ударах, нацеленных на смерть, они коснулись друг друга глубже, чем когда-либо прежде.

Небо плакало. Дождь промочил обоих до нитки. Братьями они были, но на братьев не походили совсем — почти ничего общего, разве что нечеловеческая природа да белые волосы. Впрочем, даже это сходство при ближайшем рассмотрении оказывалось мнимым: у Дзина — серебристо-пепельная белизна, у А-Эра — снежная, как первый иней.

Старшим братом Дзин тоже был так себе — по крайней мере, если сравнивать с Сидзукой Годзё: тот был из тех, кто бережёт. Дзин же придерживался принципа «жив — и ладно».

И всё же отрицать очевидное не получалось. В те годы, когда маленький А-Эр был заперт в особняке, Дзин был для него всем: и старшим братом, и отцом, и матерью, и товарищем по играм. Кормил его, не давал умереть — а потом в первом раунде убил. Научил жить. Научил умирать.

— Брат... — А-Эр шагнул вперёд и взял его руку, приложив к собственному горлу.

Дзин на мгновение замер — и не ударил сразу.

Всю жизнь ему снился один и тот же сон: он убивает А-Эра. В первом раунде желание исполнилось — но сны не прекратились. Наверное, потому что осязаемая память о том убийстве была слишком чёткой. Со временем сны изменились: А-Эр, залитый кровью, зовёт его братом.

Только сейчас Дзин осознал — как отчётливо, оказывается, он помнил этот зов.

«Брат» — в первый раз, когда тот научился говорить. «Брат» — когда болел и тихо тянул его за рукав в темноте комнаты. «Брат» — почти без выражения на лице, но на самом деле выпрашивая сладкое. «Брат» — едва слышно, умирая в лаборатории...

Все эти зовы в конце концов превратились в сны с привкусом крови.

Вот как сейчас.

А-Эр воспользовался секундой замешательства и нанёс ответный удар.

В конце первого раунда А-Эр тоже замешкался на миг и не смог убить Дзина. Теперь всё перевернулось.

Дзин смотрел на него не отрываясь. На лице — никакой боли, никакого страха, которые бывают у людей в момент смерти. Только спокойствие.

— Значит, это и правда было проклятием, — тихо выдохнул он.

А-Эр смотрел на него в замешательстве. Но Дзин Куросава лишь усмехнулся:

— Даже убив меня, ты от меня не избавишься.

Как в первом раунде он убил А-Эра — и всё равно видел его во снах, залитого кровью, зовущего братом.

Кровь связала их обоих. Даже смерть не могла разлучить.

Возразить было нечего. А-Эр просто схватился за полу его одежды — как в детстве — и сказал: «До свидания, брат».

Потом, если найдётся время, нужно будет похоронить Дзина Куросаву под тем особняком, где они жили детьми. Так же, как когда-то делал сам Дзин.

А-Эр думал об этом в каком-то оцепенении, одновременно пытаюсь найти Рэнью Карасуму.

Впрочем, он и сам понимал: в нынешнем состоянии искать кого-то и тем более выходить на Карасуму — не лучшая идея.

Противостояние с Рэнъей Карасумой — это дело Сидзуки Годзё. Пусть все три тела по сути являлись им самим, и Карасума об этом знал, — А-Эр всё равно считал именно так.

Да и Карасума, наверное, хотел видеть его в облики Сидзуки.

Тело Кадзумы Арааки, благодаря тренировкам Дзина, умело прятаться — но вот найти кого-то другого не умело никогда. Хуже того: привыкший с детства идти туда, куда его ведут, А-Эр умудрился растерянн заплутать.

И пока он стоял в этой растерянности — взгляд его зацепился за мужчину с мрачным лицом. Тот выделялся на фоне паникующей толпы разительно: правильные черты, полная невозмутимость среди всеобщего хаоса.

Через частичную синхронизацию с памятью Камиллы — полной А-Эр избегал: та была слишком хаотичной, и полное слияние могло сломать два других тела — он узнал этого человека. Осаму Дадзай.

Дадзай в первый же миг понял: перед ним тот самый человек, которого Камилла так жаждала заполучить любой ценой. Она и раньше говорила ему, что Кадзума Арааки, возможно, даст другой ответ.

— Как вы думаете, — произнёс Дадзай, — в таком мире есть смысл продолжать жить?

Мир рушился. Толпа металась в панике. Отовсюду доносились крики и рыдания. Но этот маленький угол словно накрыло стеклянным колпаком — ни звука, мёртвая тишина.

А-Эр чуть было не усмехнулся: ну и время выбрал для таких вопросов. Но янтарные глаза Дадзая — полные растерянности и боли — остановили его.

Дадзай был слишком умён. Пусть система и выстраивала барьеры, не давая персонажам осознать правду, — глядя на хлещущий с неба дождь и мелькающий в воздухе игровой код, любой человек с рассудком понял бы: что-то пошло не так. Дадзай не стал думать дальше — наверное, почуял: шагни он ещё на один шаг в эту бездну, и разум не выдержит.

Но тёмное, неутихающее ощущение собственной бессмысленности расплзалось внутри него всё шире.

—...Даже если я и отвечу, мой ответ вам не подойдёт, — сказал А-Эр. Дадзай молчал — редкость для него. — У каждого свой ответ. Или вовсе никакого правильного. Но я думаю: задавать такой вопрос могут только те, кто ещё жив.

Дадзая эти слова, похоже, не зацепили. Взгляд его скользнул по залитой кровью одежде А-Эра.

— Вы только что убили кого-то важного?

— Да. Я убил своего брата.

Дадзай приподнял бровь:

— И каково это?

—...Не знаю, как объяснить. — А-Эр посмотрел на него. Малиновые глаза светились жутковатым огнём. — Но я знаю точно: сделать это должен был именно я. Если бы кто-то другой меня опередил — я бы, наверное, пришёл в такую ярость, что сам не предугадал бы, на что способен.

Дадзай на секунду замер. Потом рассмеялся.

— Неудивительно, что Камилла от вас без ума.

<http://bllate.org/book/18335/1760536>